

РАЗДЕЛ VIII ИНФОРМАЦИЯ

Part VIII. INFORMATION

DOI: 10.15372/PHE20170423

УДК 122/129+81+7.0

СОТВОРЕНИЕ СУБЪЕКТА¹³

К. А. Очеретяный (Санкт-Петербург)

***Аннотация.** Данная рецензия направлена на определение смысла и значения коллективной монографии «Творчество и субъективность» (СПб., 2016) в контексте современного гуманитарного дискурса. Ответственный редактор – доктор философских наук, профессор А. А. Грякалов. Авторы монографии – международная группа исследователей, объединившихся в Научно-образовательный центр «Философия современности и стратегии гуманитарной экспертизы» при РГПУ им. А. И. Герцена, их цель – определение условий возможности субъекта в современном социокультурном и эпистемологическом поле. Книга посвящена вопросам, затрагивающим актуальные формы философской рефлексии, экзистенциального бытия в мире, этики и эстетики жизни философии события с выходом к пониманию оснований социализации и образования. Исследование является междисциплинарным проектом: со своим языком, выстроенным на границе дисциплин и направленным на вскрытие конститутивных механизмов формирования жизненного мира. Методом выявления значимости поставленных в книге вопросов является перенесение их в проблемное поле современности. Определяются конгруэнтность авторских усилий проблемному полю современности, точность концептов, масштаб разрешающей способности гипотез, тонкости методов, эффективность стратегий социализации.*

***Ключевые слова:** логос, творчество, субъективность, письмо, мысль, свидетель, утверждение жизни, этос творчества.*

¹³ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект «Новый тип рациональности в эпоху медиального поворота» № 16-18-10162, СПбГУ.

© Очеретяный К. А., 2017

Константин Алексеевич Очеретяный – научный сотрудник Центра медиафилософии, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: ocherk.on@yandex.ru

Konstantin A. Ocheretyany – researcher at St. Petersburg State University, scientific secretary of the Centre for mediaphilosophy, St. Petersburg State University. Candidate of Philosophical Sciences.

CREATION OF A SUBJECT

К. О. Очеретяnyi (St. Petersburg)

Abstract. *This review is aimed at determining the meaning and significance of the collective monograph «Creativity and Subjectivity» in the context of contemporary discourse in humanities. The authors of the monograph are a group of researchers united in the Research and Education Center «Philosophy of Modernity and the Strategy of Expertise in Humanities» at the A. I. Herzen RSPU; their goal is to determine the conditions for the possibility of a subject in the modern socio-cultural and epistemological field. The book is devoted to the issues affecting the topical forms of philosophical reflection, existential being in the world, ethics and aesthetics of life, philosophy of event, which lead to the understanding of the foundations of socialization and education. The study is an interdisciplinary project: with its own language, built on the boundary of disciplines and aimed at revealing the constitutive mechanisms of the formation of the life world. The method of revealing the significance of the questions posed in the book is to transfer them to the problem field of our time. The congruence of author's efforts to the problem field of modernity, the accuracy of concepts, the scale of the resolving power of hypotheses, the fineness of methods are determined.*

Keywords: *logos, creativity, subjectivity, writing, thought, witness, affirmation of life, ethos of creativity.*

Коллективная монография «Творчество и субъективность» является первой публикацией исследований, проводимых научно-образовательным центром «Философия современности и стратегии гуманитарной экспертизы». Фактически перед нами одновременно отчет о проделанной работе и проект, указывающий на возможные дальнейшие перспективы. Оценку произведению можно дать исходя как из соответствия написанного цели, которую оно перед собой ставит, так и из задач самого времени. Целью исследовательской деятельности Центра, как она определена в редакторском вступлении, является анализ актуальных ориентаций философского знания. Промежуточным (и первым) итогом работы становится понятийная разработка тем творчества и субъективности, могущих составить систему координат современной мысли. Произволен ли выбор или он продиктован самой ситуацией современности? Почему именно эти темы определены в качестве актуальных? Насколько когерентны они иным темам, очерчивающим горизонт современной мысли, таким как медиа и производимая ими реальность, техноморфология культуры и биоэтические кризисы, осетевление сознания и дисперсия телесности, диктатура информационного потребления и экокатастрофы?

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо рассмотреть саму проблему соотношения творчества и субъективности. Субъект – в логике, грамматике, метафизике – это то, что лежит в основании, его обычно мыслят как носителя состояний сознания и чувственной аффектации, как эмпирический субъект. Иными словами, это тот, кто действует, понимает, живет. Полагают, что творчество имеет своим основанием «Я» – преломление опыта повседневности в субъективных формах восприятия и переживания. Освоение, осмысление и интерпретация пережитого и есть творчество. Однако такое «творчество» является константой сознания, и его функция, скорее, в создании буферной зоны между «Я» и «миром». «Я» здесь встречается с миром и принадлежит ему, но оно же отличается от него индивидуальными смысловыми интонациями, особым ценностно-эмоционально-понятийным преломлением элементов коллективного поля значимостей. «Творчество» здесь просто выражает отношение к миру – выявляет рецептивную установку: это некая эстетическая, а не онтологическая постоянная – она определяет индивида как существо чувствующее и чувствительное, болезненно открытое опыту миру, но не соотносит его с нервом мира – тем истоком, где берут начало как опыт мира, так и сам индивид в его способах отнести себя к этому миру, воздействовать на него, ответить на его вызовы.

Помимо эмпирического субъекта существует иной – трансцендентальный субъект, – уже не «полюс Я», который радиально излучает индивидуальную душу – психосферу со своей орбитой смыслов и ландшафтом состояний, а безымянное, чисто формальное единство, обеспечивающее синтез многообразного. Тем не менее, поскольку сама трансцендентальность субъекта как условие возможности субъективных форм, то есть условие возможности чувства, понимания, действия, в широком смысле «жизни» может быть переведена в спекулятивное рассмотрение субъективности субъекта как нечто делающее субъекта субъектом, тогда указанное единство оказывается уже не формальным, а диалектическим, форма здесь не предшествует содержанию, но выявляет его, развертываясь как последовательность образований возможных миров с их ритмами пространства и времени, противоречиями, разорванностью, духом над бездной. Первичная простота субъекта, в обыденном словопотреблении соотносимого с индивидом, говорящим о себе «Я», при таком подходе дает трещину, раскрывая многообразие смысловых наслоений, иные миры, иные основания. Здесь речь идет уже не о «творчестве» как об эстетике объективированных психологических состояний, но о творении возможных жизненных миров: иных форм сознания, языков, образов, мифов. Опыт повседневности здесь уже не преломляется, то есть не модифицируется, а конституируется в своих принципиальных

основаниях. Именно на вопросах исследования принципа конституирования символического шифра современности в его понятийно-рефлексивном, чувственно-внепонятийном и событийном аспектах сосредоточены главы монографии.

Первый раздел монографии «Логос: стратегии субъективности» содержит тексты, рассматривающие политическую, социальную, культурную действительность как действительность моделей знания, как понятийный космос. Исследуются стратегии смыслообразования той среды, в которой субъект обнаруживает себя и средствами которой он мыслит себя. В первом параграфе раздела («Логос как смыслообраз античности», с. 5–17), написанном А. С. Степановой, истоки субъективности обнаруживаются в греческом понимании логоса как космоса, лучащегося мерой, порядком, смыслом. Увидев в смысловом строе действительности эстетический порядок, греки не могли мыслить его иначе как завораживающий образ. Отдающий себя в плен этому образу оказывается введен в действительность. Прежние чувства, действия, желания до пленения и тотальной самоотдачи себя эстетико-смысловому строю действительности не были оформлены, терялись в рассеянии, были сном тени. Отдача себя логосу равнозначна опыту пробуждения или рождению субъективности.

Первый параграф задает необходимую интонацию и настраивает на восприятие последующих материалов раздела. Речь пойдет об эстетико-смысловых порядках, где понятийная действительность есть магически привлекательный образ, где рождение субъективности есть пленение образом, а понимание и понятия зависят от до- и внепонятийных состояний, производимых в архивах социокультуры (см. параграф под авторством И. П. Смирнова «1+3 измерения социокультуры», с. 18–31), в аутопоэзисе события и в логике исторической наррации (см. параграф Д. У. Орлова «Герменевтика события», с. 32–45), в шизогречах бессознательного (см. параграф А. В. Дьякова «Онтология субъективности в шизоаналитическом проекте Ф. Гваттари», с. 46–59), в поэтике бытия и машинах политической рациональности (см. параграф К. А. Ермилова «Творчество и власть. “Введение в метафизику” М. Хайдеггера», с. 60–73), в изнанке памяти и боли ностальгии (см. параграф П. Боянич «Субъект ностальгии», с. 74–85).

Перечисленные способы открытия субъективности показывают, что субъект рождается в ином, как отражение схватывается на отражающей поверхности в образах, допускаемых этой поверхностью к рефлексии. Поэтико-мифический образ объединяет многообразие анонимных состояний, наделяет их единством, и смыслом, и языком, и самосознанием. Неудивительно, что первый раздел оканчивается параграфом, посвя-

ценным рассмотрению проблем языка памяти и жаргонам воображения, он напрямую связывает политику социокультурной действительности с политикой поэтики, аналитика производства субъективности закономерно переходит в рассмотрение опытов письма, которым посвящен второй раздел монографии «Эстезис и опыт письма».

В библейской книге пророка Даниила, царь Валтасар на торжественном пиру видит жуткое: появившуюся из темноты руку, выводящую на стене загадочное «Мене, мене, текел, упарсин». Даниил дает царю толкование «Вот и значение слов: мене – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; Текел – ты взвешен на весах и найден очень лёгким; Перес – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5:26–28). «Исчислил Бог царство твое и положил конец ему» – мы можем читать это в том смысле, что царство лишилось качественной определенности, оставшись определенным только количественно. Качество говорит о внутренней определенности, количество – о внешней, об определенности только по отношению к иному.

Иными словами, количество – это качество, ставшее чисто отрицательным. Исчисленное царство – царство количества – это и есть нечто находящееся вне себя, нечто внешнее себе и потому не знающее себя, нечто сошедшее с ума, изменившее своей внутренней определенности. Отметим, что царство как целостность – это та же целостность души или единство субъекта. Руки, появившиеся из темноты и выводящие грозную тайнопись, – это субъект, возвращающийся к самому себе, обращающийся к себе через письмо.

В самом деле, кто пишет за нас то, что мы пишем? Кому принадлежит этот язык, что говорит он нам о себе и о нас, почему и как мы узнаем в нем нечто о себе? Письмо разрывает белую поверхность листа, чтобы сообщить нечто о субъекте, который и сам есть разрыв целостности природного бытия. В боли этих надрезов (разрывов), в тайнописи бытия и шрамошрифте культуры субъект узнает себя и свои истоки, поэтому опыт письма не может быть показан лишь в одной смысловой перспективе, как акт эстетического самовыражения. В этом небольшом фрагменте из книги Даниила говорится сразу о четырех уровнях письма: юридическом – о письме как свидетельстве, письме как обвинении, письме как приговоре; экономическом – о письме как учете имеющегося, письме как подведении баланса, письме как запросе долга; политическом – о письме как обличении несостоятельной власти, письме как утверждении чрезвычайного положения, письме как узаконивании нового порядка, метафизическом – о письме как припоминании некоего знания, письме как признании этого знания в качестве собственной воли, пись-

ме как единении себя с этим знанием в волевом акте. Все эти уровни письма представлены во втором разделе монографии.

Например, в параграфах «Мистика и мистификация Гоголя», написанном С. А. Гончаровым (с. 86–96), и «Литература как опыт мистического: Ж. Батай» под авторством К. В. Преображенской (с. 135–143) говорится о мистической экономике письма в отечественной и западной практиках семиогенеза – рассеивании автором собственного «Я» в письме для выстраивания субъективности на ином трансцендентном основании. «Подведение баланса» и «взыскание долга» обнаруживаются здесь поисками другого начала субъективности, теургийной практикой. О письме как о свидетельствовании того, что нельзя увидеть, ведется рассуждение в параграфе С. А. Мартыновой «Художник как свидетель. Апология субъективного» (с. 152–161). Письмо нерепрезентативно, письмо дает увидеть только само себя – сцепление слов в пространстве, но не дает увидеть воображаемого по ту сторону слов, их порядок и есть порядок представимого мыслимого. То же самое касается любой формы искусства, которое тяготеет не к созданию глубины, а к работе с поверхностью, созданию разрывов, швов на полотне повседневности – разрез, крик – здесь начало речи, выход из состояния анестезии, раскол стеклянной брони обыденности, сомкнувшийся над вещами, не дающей им голос. Эта же тема метафизической чувствительности, растворении «Я» ради обнаружения слов вещей, иероглифики бытия рассматривается О. А. Кирилловой в параграфе «О “метафизической чувствительности” и “прикладной метафизике”: 2010-е и “казус Александра Блока”» (с. 97–113): письмо здесь уже представляет акт модификации времени, выведения обыденного хода вещей на пути мессианского времени, мировоззренческого сдвига, а поэтика письма рассматривается как обнаружение исторической рифмы, как откровение действительности. В параграфах «Изобразительное в “Ювенильном море”» А. Платонова (с. 114–134), К. Ичинна «“URSPRUNG”: новый опыт темпоральности (П. Леви, В. Шаламов)» Л. Е. Артамошкиной (с. 144–151) речь идет о политике письма: письмо является не отражением политического опыта, а условием его верификации, доведения до того предела, где этот опыт обнажает свою концептуальную арматуру. Письмо рассматривается не только как техника социального эксперимента, но и как техника работы со временем и пространством – формами чувственности эпохи, а также как техника работы с порядком символов – формами самосознания эпохи.

В третьем разделе «Этос: топосы утверждения» анализируются формы утверждения субъективности как события. Бытие от первого лица – первый эпифеномен повседневности по существу является поздним завоеванием человека. Истории знакомы многочисленные прообразы

субъекта – чувственные аффектации и состояния сознания прежде, чем они обрели адекватные современности формы выражения, упаковывались в других образах, скрывали себя под иными масками. Обратимся к примерам. Плиний Старший полагал, что лев обладает «дурным глазом». Человек цепенеет под его взглядом, лишается себя, как бы уступает место льву в своем теле, а затем уже уступает и тело львиным клыкам и когтям. Образ льва – воплощенная ярость, сила одолевает волю человека, поскольку подавляет его масштабом, величием. Обратная задача – вобрать образ льва (или другое воплощение природной мощи, например, медведя) в свое тело, приручить его. Отсюда техники обращения в зверя. Berserkr – не просто некто, облаченный в медвежью шкуру, это (как следует и из этимологии) некто «в медвежьей шкуре», некто ставший медведем, получивший его силу и использующий ее ради целей и задач человеческого рода.

Первые формы творчества связаны не с обработкой внешнего материала, но с рассмотрением себя как материала. Древнейшая техника рождается из психомахии, а древний художник (психомах и психогог) использует свое тело как «магическую ловушку», он отдает тело мертвецупрародителю (который чаще всего отождествлен со зверем), с тем, чтобы тот жил и действовал тогда, когда жизнь его рода, «коллективное тело» ставится под угрозу уничтожения. Возможно, именно в таком первобытном «бытии в духе» заключаются внерациональные истоки субъективности.

Священное неистовство – индикатор пограничного состояния, свидетельствующий, что любое воздействие на ход вещей требует «духа» – утраты человеческого в человеке и синтеза божественно-демонического. Демон Сократа – такой же прообраз субъективности, как и психогогия шамана, психомахия берсеркера – все это не выход из себя, а обнаружение себя. Ушли ли эти практики производства субъективности в прошлое? Какие практики вытеснили их? Ответам на эти вопросы посвящены параграфы Н. Н. Суворова «Между фантазмом и событием» (с. 192–203) и «“Возможность острова” человеческого в мире постэволюционных стратегий» Т. Н. Кетовой (с. 249–262). В первом рассматривается способность воображения как условие возможности субъекта, во втором речь идет о внеантропологических моделях технического бессознательного, претендующего на вторжение в психофизиологию человека, на определение его чувственности, восприятия, самосознания.

Тема получает отклик у С. А. Лишаева и О. А. Власовой в параграфах «Неуверенная идентичность (самосознание философа в современной России)» (с. 204–233) и «Философия как работа над собой: кредо К. Ясперса» (с. 234–248) соответственно, где субъективность рассматривается

как сопротивление объективированным средам существования, стремящимся рассеять и поглотить единство самопереживания. Субъективность видится как упражнение по сохранению этой целостности, как работа о себе, как аскеза в изначальном смысле военного упражнения, предуготовления к битве. Изнанка субъективности – ее экстренная сборка в условиях пограничных состояний – предельного эстезиса – рассматривается А. А. Грякаловым в параграфе «Творчество и герменевтика субъективности» (с. 162–191).

Коллективная монография «Творчество и субъективность» интересна не только подборкой текстов, но и как документ научно-образовательного центра «Философия современности и стратегии гуманитарной экспертизы». В условиях современности – ускорения времени, информационных перегрузок, интердисциплинарного взаимодействия и перерезметки поля актуального знания – наука обретает форму центров – объединения специалистов, первоначально исходящих из разных традиций, но претендующих на формирование единого понятийного языка, адекватного вызовам времени. Перед нами – проект, очерчивающий пути построения актуальной методологии и обещающий последующие публикации, концепты, сюжеты. На этом фоне критические вопросы, поставленные авторами монографии, можно также рассматривать как вопросы, отнесенные к себе, к внутреннему ресурсу философии (отечественной прежде всего). Немного смущает, что целый ряд вопросов остается за границей исследования: проблемы медиареальности, делигированной перцепции, рассеивания и/или сборки дигитального субъекта в компьютерно-игровых интеракциях, наркоза высоких технологий и парализации эстетического сознания экранами гаджетов, эмансипации технологий от утилитарных целей прагматического рассудка и идеограмматики сетевой коммуникации. Все эти темы затронуты в книге, как бы преднамечены. Можно предположить, что их разработка ждет своей экспликации в последующих работах исследовательского коллектива. Нам же остается следить за обновляющейся витриной академического производства.

Принята редакцией: 29.06.2017